

УДК 10(09)

Т.Г. Стоцкая*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В СПОСОБАХ ИСТОЛКОВАНИЯ ФЕНОМЕНА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье раскрываются причины методологического плюрализма в интерпретации феномена рациональности. Показано своеобразие основных парадигм в изучении рациональности. Особое внимание уделяется осмыслению причин изменения этих парадигм.

Ключевые слова: плюрализм, феномен рациональности, парадигмальные типологии.

В ландшафте проблематики теории рационализма одно из центральных мест занимает вопрос о плюрализме современных подходов к истолкованию феномена рациональности. Иначе говоря, актуализируется вопрос о существовании нередуцируемых *концептуальных и методологических различий* в способах истолкования самого феномена рациональности, экспликации основных смыслов и способов изучения данного явления. Принципиально, что обозначенный вопрос следует рассматривать в чисто систематическом аспекте, анализируя парадигмальное ядро тех или иных частных концепций независимо от исторического процесса их становления.

В методологической литературе выделяются два основных способа интерпретации рациональности: прагматико-функционалистский и ценностно-гуманитаристический [См.: 1]. Сразу оговоримся, что речь в данном случае идет исключительно об *идеальных*, парадигмальных типологиях, вокруг которых организуется все многообразие имеющихся подходов к рациональному мышлению. Другими словами, реальная картина современных концепций и теорий рациональности на порядок сложнее и богаче, но исследовательское внимание в этом вопросе должно ограничиться теми *базовыми* принципами и положениями, из которых все эти разнообразные концепции вытекают. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Прагматико-функционалистская трактовка делает акцент на научности, она использует строгие формы и средства упорядочения и систематизации ма-

* © Стоцкая Т.Г., 2009

Стоцкая Татьяна Геннадиевна – Самарский государственный архитектурно-строительный университет

териала. Такой подход на современной философской карте представлен прежде всего позитивистскими и постпозитивистскими концепциями (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, Р. Рорти и др.). Ведущий метод здесь – аналитико-эмпирический, а центральные вопросы и темы сводятся к выяснению критериев, по которым дифференцируются такие разные комплексы рациональности, как «научный рассудок», «обыденное сознание» и «практическое действие». Рассматриваемый подход отличается детальная проработке критериев рациональности (как правило, представленных в виде шкал или градаций), конвенционализм или конвенционалистические тенденции в определениях рациональности. Внутри этой достаточно неоднородной парадигмы можно выделить концепции классического позитивизма, с одной стороны, и современные модификации позитивистских принципов (теория К. Поппера, когнитивная социология, поздний Р. Рорти) – с другой.

Если для классических позитивистов главным критерием обоснования рациональности высказываний было выяснение их *опытной* подтверждаемости, логической истинности и принципиальной выводимости из предшествующих положений, то, к примеру, уже для Поппера и других постпозитивистов предикат «рациональный» оправдан только применительно к высказываниям (а также состоящим из них гипотезам и теориям), способным выдержать ряд опровержений, делающих зримыми их слабости и недостатки [См.: 2. С. 34-36, 112-115; 3. С. 68-69]. По настоящему революционным для своего времени стал подход Т. Куна, объяснивший смену теоретических парадигм посредством прагматических и социально-психологических критериев (в частности, «настроенности умов» научного сообщества). Не менее революционным был и вывод из данного положения: поскольку причины изменений в науке, с одной стороны, и ее нормального развития, с другой, совершенно различны, то не существует каких-то единых логических критериев для того и другого [См.: 4. С. 78-82, 314-320]. Еще дальше в этом направлении в своем программном исследовании «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» идет И. Лакатос, согласно взглядам которого критерий рациональности той или иной новой теории будет выяснен только в результате сопоставления исследовательских программ, содержащих либо позитивную (в терминологии автора – «прогрессирующую»), либо негативную («регрессирующую») эвристику [См.: 5. С. 211].

Как справедливо отмечает Н.С. Автономова, между указанными выше подходами существует много общего. Прежде всего это характерная для конвенционализма апелляция к социально-психологическим и институциональным критериям истинности научных теорий. Тем самым прорисовываются и некоторые ограничения в таком понимании рациональности: последняя трактуется здесь как рациональность методологии, связанная с описанием правил и норм деятельности ученого. К самой же деятельности понятие рациональности не применимо, поскольку в ней нет достаточных оснований для выбора теорий или гипотез [См.: 1. С. 63]. В еще большей степени эту тенденцию к конвенционализму демонстрирует концепция П. Фейерабенда.

Анализ показывает, что основные виды рациональности, на которых сосредоточено внимание представителей данного подхода, – «эпистемическая» и «практическая» формы рационального мышления и действия. Если

первая связана с обоснованием так называемых «мнений-убеждений» (понятие «beliefs» в традиции англосаксонской философии), то вторая отвечает уже за выбор наилучшего способа практического действия. Однако именно с такой дифференциацией рационального и связана одна из главных методологических трудностей рассматриваемой парадигмы. Как известно, понятие «мнение-убеждение» весьма многозначно, оно не обладает каким-то единым фиксированным *смыслом*, опираясь на который мы могли бы четко отграничить область приложимости рациональных схем от всех прочих областей и сфер человеческой жизнедеятельности. Безусловно, сфера «beliefs» заполняется прежде всего суждениями и высказываниями ученого, из которых тот строит свои теории и гипотезы. Но стоит ли, к примеру, относить к этой категории также и многообразные суждения здравого смысла, религиозные убеждения или ожидания бизнесмена и основанные на них схемы целерационального поведения? Если нет, то каковы тогда критерии, с помощью которых исследователь мог бы провести демаркационную линию, расположив с одной ее стороны все подлинно рациональные мнения и положения, а по другую поместив все прочие квази- или недо- рациональные формы? Внятный ответ на этот методологически заостренный вопрос представители первого направления, к сожалению, не дают. Вместе с тем именно это понятие скрепляет воедино практическую и эпистемическую рациональность, то есть, другими словами, «несет» на себе всю целостность и непротиворечивость теорий позитивистов и неопозитивистов.

Представители современной версии анонсированной выше парадигмы (например, когнитивная социология) считают ложными любые традиционные гносеологические понятия и антиномии, подчеркивая «псевдопредметность» и одновременно социологическую нагруженность мышления. Ссылаясь на одного из видных представителей этой парадигмы Ричарда Рорти, Н.С. Автономова так характеризует данный подход: «Эта общая траектория – движение от логического и теоретического обоснования рациональности мнений и убеждений к “полипрагматизму” работы философа, уподобляемого, по сути, литературному критику, который высказывает свои вкусовые суждения в беседе “просвещенных дилетантов”, отказываясь при этом от самого понятия истины, порождает “проект неминуемо нигилистический”» [1. С. 54].

Помимо изложенного выше, можно выделить еще целый ряд характерных особенностей такого «социологического» подхода к Разуму:

– познание как процесс и знание как его результат истолковываются теперь как социально сконструированные предметы в потенциально бесконечном контексте;

– методологический приоритет отдается типологизации познаваемой реальности, а не ее объяснению;

– обыденные и профессиональные суждения уравниваются в правах; мнения, имеющие историческую ценность и суждения современников признаются равноправными, а их истинность – равновероятной;

– сугубо научная и вненаучные сферы больше не считаются взаимонепроницаемыми, наоборот, постулируются их диффузность, взаимопроникновение и размытость границ между ними [См. подр.: б].

Цель философии, согласно этой парадигме, сводится, говоря словами

Р. Рорти, к построению такой концепции рациональности, которая подрывает любые попытки определить сущность самой рациональности [См. подр.: 7]. В целом, согласно взглядам представителей когнитивной социологии, ученый-теоретик имеет дело не с реальными объектами самими по себе, но с феноменами, в которых всегда тем или иным образом объективировано социальное содержание. Кроме того, само научное сообщество при таком подходе понимается как один из вариантов «традиционного» общества, являющегося предметом изучения этнологии. Одной из центральных категорий когнитивной социологии при этом признается именно «традиция», понятая как канал трансляции неартикулированного и неявного опыта в рамках любого сообщества (в данном случае – научного сообщества).

Что же касается особенностей второго, *ценностно-гуманитаристического* подхода (М. Дюфрен, П. Рикер, Э. Левинас, Х.-Г. Гадамер), то они состоят в ограничении или отрицании тех функций разума, на которых сосредотачивалась рассудочная форма позитивистски ориентированной науки, в акценте на спонтанности эстетического, этического, политического, религиозного и прочего действия. Этот подход представлен в наиболее чистом виде в экзистенциалистских и персоналистских концепциях, в менее четко проявленных формах – в современных «философиях субъективности».

Сразу подчеркнем, что данная группа концепций выделяется более широким толкованием рациональности, не ограничивая последнюю лишь сциентистским и познающим разумом. Акцент здесь делается на экзистенциально значимых, а также эстетических моментах жизни сознания. Такой подход неизменно сопровождается идеей вторичности или даже незначительности функций разума на фоне всех прочих жизненных проявлений человека. Важное отличие от предыдущей парадигмы заключено в том, что присутствие рациональности в той или иной ее форме постулируется также в спонтанном поступке, обладающем индивидуально-экзистенциальным содержанием в политической акции, или, наконец, в деятельности философа или художника. Все эти сферы деятельности в данном случае уравниваются, образуя широкую область так называемой «творческой разумности» (Гадамер), которая становится предметом самого пристального внимания философов.

Центральный концепт всех подобных теорий – так называемая «инновационная способность» (М. Дюфрен, П. Рикер), то есть способность к преобразованию действительности в любых ее формах, способность к порождению нового, имеющая, как правило, более или менее выраженную эстетическую направленность. «Цель философии, философии рациональности – ограничить первичность самосознания в пользу более широкого понимания разума и бытия, вернуться к онтологической наполненности мысли в мире. В самом деле, ведь энергия человеческого разума не сводится только к познанию, а потому задача философии – стимулировать все виды рационального творчества человеческой мысли <...> Теряя право быть знанием, практический разум приобретает свободу саморазвертывания и критическую способность по отношению к политико-государственным надстройкам и к самой эмпирической реальности. Таким образом, речь идет не о критике практического разума, но о практическом разуме как критике» [1. С. 64].

Если резюмировать ключевые моменты двух описанных выше парадигм,

становятся очевидными как их общая проблемная основа, так и принципиальные и несводимые друг к другу парадигмальные различия. Этот вопрос является принципиальным и на нем необходимо остановиться подробнее. Во-первых, современное исследование Разума и его форм может строиться как эмпирико-аналитическое исследование феномена рациональности с преобладанием типологических концепций (прагматико-функционалистский подход). Во-вторых, в контексте раздвигающей свои горизонты современной философии уместным и даже необходимым оказывается исследование более широкой проблематики, где разум (понятый как практический разум) обнаруживает собственную зависимость от жизненных, творческих, приближенных к воображению динамических аспектов реальности (ценностно-гуманитаристическая парадигма).

Вместе с тем нельзя не заметить и то общее, что на более глубоком уровне объединяет оба современных подхода к рациональности: в обоих случаях мы имеем дело с разными формами *редукции* рациональности, тяготеющими к ее релятивизации либо иррационализации. Иными словами, в обоих случаях речь идет о попытках объяснить рациональность как эпифеномен чего-то другого, будь то социальная действительность, практический разум, бессознательные импульсы, экзистенциальные потребности или же эстетическое действие. В результате собственно рациональное в той или иной мере растворяется в перечисленных феноменах, становясь — в рамках большинства современных концепций — либо всего лишь одним среди прочих проявлений человека (релятивизация), либо просто вторичным, производным феноменом, своеобразной надстройкой над более мощными и глубокими процессами (иррационализация).

В методологической литературе эти вопросы получили подробное освещение:

1. Проявляется тенденция к постепенному отказу от объясняющих схем и процедур, от поиска закономерностей и зависимостей внутри анализируемого предмета. В рамках прагматико-функциональной ветви такая тенденция реализуется посредством акцента на типологизацию реальности, в ущерб ее *понятийной* проработке. В целом здесь можно говорить о своеобразной «инфляции» классического философского инструментария, во главе которого всегда стояло Понятие.

2. Отказ от традиционного философского выстраивания иерархий внутри анализируемой реальности, то есть от свойственных классике оппозиций «высокое»-«низкое», «глубокое»-«поверхностное», «сущностное»-«случайное». Если говорить вообще, то характерен отказ от оперирования неизменными сущностями в пользу размывания всех прежних границ, наблюдается отход от аналитического дробления предмета в пользу синтетического слияния разнородных смыслов.

3. Приоритет самой онтологической *реальности* мысли над ее истинностью и иными когнитивными характеристиками.

4. Тенденция к переосмыслению функции философии как наиболее всеобщей формы постижения истины в сторону самораскрытия истины через спонтанную витальность, практическое действие и т.д.

5. Ориентация на донаучный опыт (прагматико-функционалистские кон-

цепции рациональности) или даже на контакт с миром до всякого знания (позднейшие варианты ценностно-гуманитаристической парадигмы).

6. Признание социальной заданности мышления (в том числе научного мышления) в ущерб вниманию к внутренней понятийной логике мысли [См.: 1. С. 67-68].

Сведя воедино все приведенные выше пункты, мы получим основные моменты картины сегодняшнего «кризиса рациональности». Однако данная статья в качестве одной из своих задач преследует цель выявить и описать как раз общее концептуальное единство феномена рационального мышления. Другими словами, речь идет о попытке выделить некую идею «единой рациональности», раскрыв основные структурные моменты этого феномена как бы «поверх» всех концептуальных различий отдельных подходов, в известной мере даже абстрагируясь от них.

Необходимо особо отметить, что обе рассмотренные выше парадигмальные трактовки рационального мышления были бы попросту невозможны без более ранней, классической концепции рациональности в том ее виде, в котором она сформировалась в эпоху Нового времени. Ведь чтобы быть критикой по существу, критика рациональности хотя бы по своей форме сама должна быть (и является, кстати говоря, таковой в большинстве приведенных нами примеров) рациональной. Можно обратить внимание, что критикуя те или иные содержательные моменты классических философских эпистемологических учений, современная теория вынуждена заимствовать отдельные элементы своего метода у этих самых учений. Именно на этой предпосылке, являющейся принципиальной для данной работы, возможны связность и преемственность философского (а также научного) опыта, то есть прямое со-общение критики со своим предметом.

При всестороннем и непредубежденном изучении вопроса становится очевидным, что современные эпистемологические теории (или даже теории, постулирующие невозможность всякой эпистемологии) пребывают в достаточно двусмысленном положении. С одной стороны, они более или менее явно декларируют свою принципиальную и радикальную несводимость к традиционным формам «ratio», намеренно дистанцируются от классики. С другой же стороны, реализуя свои проекты «редукции» или даже «деструкции» разума, такая критика апеллирует именно к *рациональным* способам аргументации. Именно поэтому тот концептуальный инструментальный и богатый понятийный ресурс, который заимствует и широко использует современная критика рациональности, и должен стать предметом обстоятельного рассмотрения в современной методологии.

Библиографический список

1. Автономова, Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь / Н.С. Автономова // Рациональность как предмет философского исследования / под ред. Б.И.Пружинина, В.С. Швырева. – М.: Институт философии РАН, 1995.
2. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
3. Поппер, К. За пределами поиска инвариантов / К. Поппер // Вопросы

истории естествознания и техники. – 2003. – №2.

4. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2001. – 608 с.

5. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М.: Медиум, 1995. – 235 с.

6. Меркулов, И.П. Научное познание: когнитивно-эволюционный ракурс / И.П. Меркулов // Научный прогресс: когнитивный и социокультурный аспекты / под ред. И.П. Меркулова. – М.: Институт философии РАН, 1993. – 197 с.

7. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – 320 с.

T.G. Stotskaya

METHODOLOGICAL DISTINCTIONS IN WAYS OF INTERPRETATION OF A PHENOMENON OF RATIONALITY

In the article the reasons of methodological pluralism in the interpretation of a phenomenon of rationality are revealed. The originality of the basic paradigms in rationality study is shown. The special attention is given to the judgement of the reasons of the change of these paradigms.

Key words: pluralism, the phenomenon of rationality, paradigmatic typologies.